

Гносеологический потенциал теории поиска ренты

Клименко В.А., Карпович Ю.В.

Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена исследованию методологических основ теории поиска ренты. В результате анализа терминологических особенностей ренты раскрыты понятие и существенные характеристики ренты и рентоориентированного поведения. Рассмотрено несколько форм рентоискательства. Выявлены способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Цель работы – исследовать гносеологический потенциал теории поиска ренты, ее методологические основы, а также способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, данные международных организаций. В рамках исследования применялись общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.

Результаты и их обсуждение. Потенциальная возможность извлекать дополнительный (рентный) доход побуждает экономические субъекты заниматься рентоискательством. На современном этапе наряду с традиционными ресурсами, генерирующими ренту, можно выделить также административный ресурс, представляющий собой положение или должность, занимаемую индивидом; лидерские качества, профессиональные навыки и умения; опыт ведения предпринимательской деятельности; социальный капитал. Рентоискательство – это процесс, состоящий из следующих элементов: источники и условия формирования ренты, ее виды и формы, субъекты рентных отношений, направления использования ренты. Каждый из данных элементов требует отдельного детального анализа, поскольку его результаты можно использовать для снижения негативного воздействия рентоориентированного поведения субъектов на функционирование общества.

Заключение. Институциональное устройство страны непосредственно влияет на масштабы проблемы рентоискательства. Поскольку в развивающихся странах и странах с переходной экономикой институциональные структуры еще не имеют той устойчивости и развития, как в развитых странах, то общественные потери от рентоискательства здесь гораздо больше. Следовательно, чтобы избежать деформации социально-экономических отношений, государству необходимо существенно ограничить условия для поиска ренты.

Ключевые слова: рента, рентоориентированное поведение, рентные ресурсы, рентоискательство, группа интересов, политическая рента.

Gnoseological Potential of the Rent-Seeking Theory

Klimenko V.A., Karpovich Yu.V.

Belarusian National Technical University

The article is devoted to the study of the methodological framework of the rent-seeking theory. Based on the analysis of the terminological features of rent, the concept and main characteristics of rent and rent-seeking behavior are revealed. Basic forms of rent-seeking are shown. The methods of measuring rent-seeking behavior effects are considered.

The purpose of the article is to explore the gnoseological potential of the rent-seeking theory, its methodological background and ways of measuring rent-seeking behavior effects.

Material and methods. The research material was works of domestic and foreign economists, data from international organizations. As part of the study, general scientific methods were used (analysis, synthesis, the unity of the historical and the logical), and the systematic approach.

Findings and their discussion. The potential opportunity to get additional (rental) income encourages economic entities to engage in rent-seeking. Nowadays not only traditional resources can generate rent. Administrative position, leadership qualities, professional skills, business experience, social capital are also considered as rent resources. Rent-seeking is a process that consists of several elements such as sources and conditions of rent creation, types and forms of rent, possible directions of its use. Each of these elements requires a separate detailed analysis because its results can be used to reduce the negative impact of the rent-oriented behavior of subjects on the society.

Conclusion. The institutional setup of the country directly affects the scale of the rent-seeking problem. Developing countries and countries in transition don't have such sustainable and advanced institutional structures as developed countries. That's why social losses from entities' rent-seeking behavior here are much greater. Therefore, in order to avoid the deformation of social and economic relations, the state needs to significantly limit the conditions for seeking rent.

Key words: rent, rent-seeking behavior, rent-seeking, rent resources, group of interests, political rent.

Актуальность исследуемой темы обусловлена многочисленными попытками анализа экономической природы феномена ренты и рентоориентированного поведения. Ученые придерживались различных подходов к определению данных социально-экономических категорий на протяжении нескольких веков, приходили к неоднозначным выводам относительно влияния процесса поиска ренты на экономическое развитие страны. Это свидетельствует о теоретической и практической сложности вопросов рентной проблематики. Впервые теоретическое осмысление рентоориентированного поведения было сделано американским экономистом Г. Таллоком в 1967 г. при анализе монопольных рынков. Исследователь обратил внимание на существование значительных социальных издержек, связанных с установлением монополий и введением таможенных пошлин, а также на нецелесообразный расход ресурсов, обусловленный нерациональным использованием факторов производства и возникновением возможностей получения ренты [1, с. 436–437]. Непосредственно сама категория «поиск ренты» в научный оборот была введена в 1974 г. А. Крюгер, которая подчеркивает, что даже в рыночной экономике правящая партия способна оказывать определенное влияние на рыночный механизм [2, р. 292].

Цель статьи – исследовать гносеологический потенциал теории поиска ренты, ее методологические основы, а также способы измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, данные международных организаций. В качестве методологической основы исследования выступил системно-эволюционный подход, дополненный методами единства исторического и логического, анализа и синтеза, а также другими общенаучными принципами познания, что позволило рассмотреть гносеологический потенциал теории поиска ренты, особенности рентоориентированного поведения субъектов, а также предложить пути ограничения условий для рентоискательства со стороны государства.

Результаты и их обсуждение. Теория трудовой стоимости послужила общей основой для исследования ренты, рентоориентированного поведения, рентных отношений. Впоследствии ключевые позиции понятие ренты приобретает в рамках неоклассического направления экономической науки. Экономисты-неоклассики (А. Маршалл, Д.Б. Кларк, И. Фишер) исходят не столько из теории трудовой стоимости, сколько

из концепций редкости и полезности. Представители данной школы говорят о невозможности существования ренты в эффективно функционирующей конкурентной экономике, поскольку подобный доход вытесняется в результате действия рыночных механизмов [3, с. 31].

Дж. Бьюкенен определяет ренту как «часть оплаты владельцу ресурсов сверх той, которую бы он получил при любом альтернативном использовании» [4, с. 22]. В.П. Рязанов указывает, что рента – это «любой чрезмерный доход (сверхприбыль), прямо не связанная с предпринимательской деятельностью или с дополнительными усилиями» [5, с. 170]. По мнению А.К. Хилмана, рента – платеж, который индивид получает сверх необходимого [6, с. 85]. В целом под рентой понимается излишек дохода владельца определенных рентных факторов, который обусловлен превышением рыночной цены над индивидуальной ценой производства товаров и услуг в результате использования этих факторов. В качестве рентных факторов могут выступать различного рода ресурсы, наделенные свойством исключительности, ограниченности, малодоступности и позволяющие их монопольному собственнику (пользователю) получать в результате экономической эксплуатации дополнительный рентный доход на продукт или услуги. Со своей стороны Е. Карпиков видит основу ренты не просто в наличии неких ресурсов, а в непосредственной фиксации монополии ресурса. Ученый характеризует свой подход как институциональную рентную парадигму, позволяющую объяснить появление ренты как добавочной прибыли практически во всех сферах. Например, государство, «создавая систему прав собственности на рентные ресурсы, демонстрирует обществу возможность получения ренты фактически везде» [7, с. 19–20].

Процесс рентоискательства включает в себя следующие элементы: источники и условия формирования ренты, ее виды и формы, субъекты рентных отношений, методы расчета и учета, направления использования ренты.

Наряду с традиционными ресурсами, генерирующими рентные доходы, можно выделить и некоторые другие их виды, такие как, например, административный ресурс, представляющий собой положение или должность, занимаемую индивидом, лидерские качества, профессиональные навыки и умения, опыт ведения предпринимательской деятельности. Социальный капитал можно также рассматривать как рентообразующий ресурс, поскольку под ним понимается «сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, сни-

жающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду» [8, с. 51]. «Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей» [9, с. 292]. Данная информация является фактором, создающим благоприятные условия для извлечения индивидом ренты.

На современном этапе более целесообразным представляется не вклад значительных ресурсов в расширенное воспроизводство ренты и поддержание входных рыночных барьеров, а инвестирование в человеческий капитал. «В современной экономической науке человеческий фактор рассматривается в качестве решающего фактора инновационного развития государства. Доказано, что в настоящее время природный и финансовый капитал больше не являются первостепенными факторами производства. Сегодня таким фактором выступает человек, поскольку новейшие отрасли требуют глубоких знаний, навыков, умений, которыми обладает человек. Кроме того, в человеческом ресурсе скрываются наибольшие резервы для повышения эффективности функционирования инновационной экономики» [10, с. 221].

Ренту можно дифференцировать исходя из используемого вида ресурса: экономическая рента, природная рента, политическая рента, бюрократическая рента, рента за применение уникальных знаний и навыков. Потенциальная возможность обладать дополнительным доходом является предпосылкой для появления рентоориентированного поведения или рентоискательства – ситуации, когда доходы бизнеса зависят не от наличия предпринимательских способностей, а от близости к государственному аппарату, вследствие чего предприниматели нацелены на получение доходов (ренты) от личных связей, а не обычной, классической предпринимательской прибыли [11, с. 285]. Существует несколько форм рентоориентированного поведения: во-первых, это поиск ренты через создание ограниченного доступа в ту или иную деятельность; во-вторых, это поиск ренты через регулирование цен и объемов выпуска, которые приводят к усилению монопольной власти; в-третьих, это поиск ренты через тарифы и квоты, ведущий к ограничению конкуренции [12, с. 23].

Анализируя производство товаров интенсивного обновления, Т.В. Сергиевич отмечает, что «за период существования суверенной Беларуси государству удалось создать благоприятные условия для развития белорусского производства, поддерживающие отечественного производителе-

ля, что привело к формированию рентоориентированного поведения у многих крупных предприятий» [13, с. 264].

В зависимости от принадлежности субъектов рентных отношений к определенному уровню функционирования в рамках экономической системы на микроуровне можно выделить внутрифирменную ренту, внутриотраслевую ренту, на макроуровне – политико-административную ренту. Источником внутрифирменной ренты является внутрикорпоративная власть, персонифицировать которую может как собственник, так и менеджмент. Л.Н. Даниленко справедливо отмечает, что «собственник может стремиться не к максимизации прибыли от деятельности собственно предприятия и не к самовозрастанию капитала, а к получению дохода от деятельности “дочерних” и “внучатых” коммерческих структур, контролирующих ресурсные, товарные и финансовые потоки данного предприятия, поставляющих ему ресурсы по завышенным ценам и приобретающих готовую продукцию по заниженной стоимости» [14, с. 39]. В свою очередь менеджмент компании благодаря управлению и контролю за финансовыми потоками предприятия имеет потенциальную возможность хищения денег, используя различные приемы. Чем выше степень контроля за активами фирмы, тем, соответственно, больше величина внутренней ренты. Для стран с устойчивой институциональной средой характерны эпизодичность и кратковременность подобных случаев. В государствах с переходной экономикой, напротив, создаются предпосылки для получения таких доходов [12, с. 26]. Внутриотраслевую ренту как результат дисбаланса рыночной власти получает предприятие-монополист, контролирующее рынок какого-либо товара и оказывающее непосредственное влияние на поведение других игроков.

Наиболее сложной для анализа является политико-административная рента. По мнению В.А. Клименко, «в XIX веке при переходе к новому этапу развития капитализма – индустриальному капитализму государство было вынуждено вмешиваться в хозяйственную жизнь. Правительства используют такие методы регулирования экономических процессов, как субсидирование частных предприятий, кредитование определенных производств, предоставление монопольных прав на производство определенных товаров или на торговлю в определенных районах» [15, с. 136]. Следовательно, предпосылками для появления политических рент служат как финансовое регулирование, так и ограничение конкуренции посредством вмешательства в экономику со стороны государства. При этом нельзя говорить о полном исчезновении конкуренции, поскольку она перехо-

дит из экономической в политическую плоскость. Размеры властных полномочий и количество возможностей для рентоискательства определяются открытостью доступа хозяйствующих субъектов к взаимодействию между собой: чем более открытый данный доступ, тем меньше соответствующих возможностей. Финансированием политических партий и отдельных кандидатов в частности занимаются представители бизнес-среды. По словам Г. Таллока, «общая сумма, затрачиваемая на финансирование кампании, в целом очень мала по сравнению с теми выгодами, которые получают люди, заплатившие за нее» [16, с. 146].

Выделяют несколько механизмов присвоения политической ренты [12, с. 24]. Прежде всего, к их числу относится лоббизм, подразумевающий оказание давления на государственные органы с целью склонения их к принятию политических решений или распределению ресурсов, отвечающих интересам определенных групп. В результате общество вынуждено нести внешние издержки, обусловленные отрицательным влиянием законодательных актов, принятых в соответствии с потребностями лоббирующих субъектов, а также вызванные отвлечением значительного количества ресурсов от социального и экономического развития. Г. Таллок приводит следующий пример: «В Вашингтон прибывают десять лоббистов, представляющих интересы различных ассоциаций, причем каждый из них на протяжении двух лет расходует по миллиону долларов в надежде побудить Конгресс предоставить соответствующей ассоциации монопольный статус, и, хотя лишь один из этих лоббистов добьется цели, общая стоимость монополии окажется равной 10 млн долл.» [1, с. 447]. Также в качестве механизма присвоения политической ренты можно рассматривать логроллинг. В основе логроллинга лежит торговля голосами. Исходя из этимологии, логроллинг – американизм. Однако это повсеместная практика, которая используется всеми органами, принимающими решения путем голосования. Помимо лоббирования и логроллинга подобного рода рента извлекается за счет политических пожертвований, отклонений прямых издержек проекта от его действительных затрат, которые должны включать все внешние эффекты, оказываемые им на другие проекты или статьи бюджета.

Российский экономист А.П. Заостровцев, анализируя теорию групп интересов М. Олсона и теорию поиска ренты, пришел к следующему выводу: «...погоня групп интересов за обеспечиваемыми политикой преимуществами ведет к появлению импортных квот, легализованных монополий, лицензий и фиксированных цен – всему, что служит перераспределению ренты от

неорганизованных групп (потребителей и налогоплательщиков) к организованным интересам. И в результате, чем лучше политическое устройство представляет интересы организованных групп, тем хуже для экономики и общества в целом (в частности, чем выше активность групп интересов, тем ниже темпы экономического роста» [17, с. 9]. Следовательно, интенсивность и масштабы ренты определяются институциональной структурой общества. Ведущую роль играет институт собственности. Поскольку в развивающихся странах институциональные структуры только находятся на пути становления и развития, то общественные потери от рентоориентированного поведения хозяйствующих субъектов здесь гораздо больше, чем в развитых странах.

Также можно проследить связь между уровнем политической стабильности в обществе и числом препятствующих развитию институтов. В своей книге «Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз» М. Олсон сравнивает экономическое развитие Великобритании и Германии в послевоенный период. Ученый говорит о том, что «после Второй мировой войны темп экономического роста Великобритании был самым низким среди развитых демократий. В то время как существенный рост германской экономики наблюдался не только в период восстановления промышленности и достижения предвоенного уровня; он еще больше усилился после выхода на довоенный период производства и потребления. Одну из причин данного явления М. Олсон видит в укреплении в результате войны традиционно организованных групп интересов в Великобритании и сведении их на нет в Германии» [18, с. 17].

Расширение государственного бюджета и рост численности бюрократического аппарата можно рассматривать как одну из предпосылок рентоискательства. Между качеством принимаемых решений и скоростью претворения их в жизнь существует обратная связь. По справедливому замечанию Л.Н. Даниленко, «государственный аппарат непосредственно не испытывает давления со стороны межстрановой конкуренции. Как следствие, он менее чувствителен к качеству занятого в нем человеческого капитала и уровню образования работающих в бюрократической системе людей» [14, с. 50]. Бюрократы стремятся максимизировать функцию полезности занимаемого ими положения путем увеличения размеров выданного бюджета. Данный факт обуславливает потери благосостояния общества и получение бюрократами дополнительной выгоды в виде бюрократической ренты. К формам проявления бюрократической ренты можно отнести: нечетко

определенные контракты, номенклатурные блага в виде служебных автомобилей, средств коммуникации, командировок.

Важно подчеркнуть необходимость разграничения понятий «рента» и «прибыль». Стремление к получению прибыли предполагает максимизацию собственных доходов путем использования существующих рыночных возможностей для производства большего количества благ при заданных затратах или того же количества благ при меньших затратах. Стремление к извлечению ренты сопровождается затратами ресурсов ради искусственно созданного трансферта, полученного путем государственного перераспределения.

Процесс поиска ренты развивается в геометрической прогрессии. Расходы на удержание монопольных прав со стороны рентополучателей порождают расходы их потенциальных конкурентов, направленные на разрушение входных барьеров, что в свою очередь повышает уровень затрат со стороны монополистов. Также следует отметить, что монополизация рынков является драйвером расширенного воспроизводства и трансформации ренты. Монополярная рента, получаемая фирмой, как правило, инвестируется не в производство, а в инструменты сохранения положения фирмы на рынке. Лоббирование и лонгроллинг в этой ситуации выступают как механизмы, создающие условия для использования данных инструментов. Таким образом, монополярная рента частично трансформируется в политическую, а последняя, в свою очередь, обеспечивает возможность последующего извлечения монополярной.

Рентоискательство – это многоуровневый процесс. Нижний уровень представлен производителями, инвестирующими средства в приобретение для себя льготных условий деятельности. Средний уровень – это чиновники, конкурирующие между собой за ренту в органах государственной власти и управления. Фактором возникновения верхнего уровня послужило распределение средств, собранных государством в результате осуществления той или иной его деятельности. На данном уровне субъекты конкурируют за право являться получателем государственных трансфертов.

Природа феномена ренты обуславливает сложность количественного измерения эффектов от рентоориентированного поведения субъектов. Однако существуют некоторые индексы, косвенно оценивающие масштабы рентоискательства. Во-первых, к числу таких индексов можно отнести Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index (CPI)), разработанный международной неправительственной организацией Transparency International. Он отражает субъек-

тивное восприятие коррупции аналитиками, экспертами и предпринимателями в 180 странах мира. Согласно последним оценкам, наиболее низкий уровень коррупции существует в Дании, Новой Зеландии, Финляндии и Сингапуре, а наиболее высокий – в Йемене, Сирии, Южном Судане и Сомали [19]. Во-вторых, еще одна группа индикаторов, свидетельствующих о масштабах рентоискательства в стране, включена в Рейтинг недееспособности государств, разработанный американским Фондом мира, и представлена Индексом политической раздробленности (Factionalized Elites Indicator) и Индексом группового недовольства (Group Grievance). Показатель Индекса раздробленности измеряет масштабы борьбы за власть, политическую конкуренцию и политические переходы, а величина Индекса недовольства свидетельствует о противоречиях между различными группами в обществе, возникающих, например, из-за неравного доступа на рынок или к участию в политических процессах. Наибольший уровень политической раздробленности и группового недовольства характерен для Йемена, Сомали, Южного Судана и Сирии, а наименьший – для Дании, Швейцарии, Норвегии и Финляндии [20].

Заключение. Существующая потенциальная возможность получить непроизводительный доход создает предпосылки для возникновения соответствующих мотивов деятельности экономических субъектов. Рентные интересы, в свою очередь, стимулируют рентоориентированное поведение, направленное на разработку и применение механизмов получения государственных трансфертов. При этом происходит значительное искажение мотивации экономических субъектов. Рентоискательство обуславливает давление сильных политических и экономических коалиций на слабые социальные группы, сопровождающееся отрицательным влиянием на национальное производство, степень общественного доверия и инвестиционный процесс. На современном этапе более целесообразным представляется не вклад значительных ресурсов в расширенное воспроизводство ренты и поддержание входных рыночных барьеров, а инвестирование в человеческий капитал. «В современной экономической науке человеческий фактор рассматривается в качестве решающего фактора инновационного развития государства. Доказано, что в настоящее время природный и финансовый капитал больше не являются первостепенными факторами производства. Сегодня таким фактором выступает человек, поскольку новейшие отрасли требуют глубоких знаний, навыков, умений, которыми обладает человек. Кроме того, в человеческом ресурсе скрываются наибольшие резервы для повышения эф-

фективности функционирования инновационной экономики» [20]. Институциональное устройство страны напрямую влияет на масштабы рентной проблемы. Это объясняется той ролью, которую играют институты, упорядочивая жизнь общества путем формирования среды взаимоотношений между людьми, а также системы сдержек и противовесов, препятствующих искажению рыночного поведения и рыночных отношений. Следовательно, необходимо существенно ограничить условия для поиска ренты со стороны государства. Это возможно посредством поддержки преимущественно стратегических отраслей, установления эффективных пропорций распределения ренты, контроля за результатами деятельности. Принятые меры окажут благоприятное влияние на экономический рост и развитие страны.

Литература

1. Таллок, Г. Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства / Г. Таллок // Вехи экономической мысли: в 6 т. – СПб., 2004. – Т. 4: Экономика благосостояния и общественный выбор. – С. 435–448.
2. Kruger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society / A. Kruger // American Economic Review. – 1974. – Vol. 64. – P. 291–303.
3. Даниленко, Л.Н. Рента как категория современной экономической науки / Л.Н. Даниленко // Теория экономического анализа. – 2013. – № 8(311). – С. 20–31.
4. Бьюкенен, Дж. Извлечение ренты и извлечение прибыли / Дж. Бьюкенен // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. – М., 1995. – С. 22–24.
5. Рязанов, В.П. Рента как ключевая проблема современного экономического развития России / В.П. Рязанов // Философия хозяйства. – 2004. – № 6. – С. 169–183.
6. Хиллман, А.К. Западноэкономические теории и переход от социализма к рыночной экономике. Перспективы общественного выбора / А.К. Хиллман // Экономика и математические методы. – 1996. – № 32(4). – С. 77–90.
7. Карпиков, Е.И. «Свежий» взгляд на рентную проблему / Е.И. Карпиков // Экономические науки. – 2004. – № 6. – С. 17–24.
8. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
9. Солодовников, С.Ю. Особенности институциональных последствий современного этапа НТР для трансграничных территорий / С.Ю. Солодовников // Социально-экономическое развитие предприятий и регионов Беларуси: инновации, социальные ориентиры, глобализация: материалы докл. междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Витеб. гос. техн. ун-т; под ред. В.В. Пятова [и др.]. – Витебск, 2009. – Ч. 2. – С. 290–293.
10. Богатырева, В.В. Управление человеческим капиталом в инновационной экономике / В.В. Богатырева // Экон. вестн. Донбасса. – 2013. – № 1(31). – С. 221–235.
11. Гацалов, М.М. Современный экономический словарь-справочник / М.М. Гацалов. – Ухта: УГТУ, 2002. – 371 с.
12. Виноградова, А.В. Институциональные механизмы создания и присвоения природной ренты в России / А.В. Виноградова // Журн. экон. теории. – 2011. – № 3. – С. 20–28.
13. Сергиевич, Т.В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 260–286.
14. Даниленко, Л.Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте / Л.Н. Даниленко // Мир России. Социология. Этнология. – 2013. – № 3. – С. 35–59.
15. Клименко, В.А. Рыночная экономика: генезис и принципы становления и развития / В.А. Клименко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 132–139.
16. Таллок, Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / Г. Таллок. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 220 с.
17. Заостровцев, А.П. Теории групп интересов / А.П. Заостровцев // Финансы и бизнес. – 2009. – № 1. – С. 6–24.
18. Олсон, М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз / М. Олсон. – М.: Нов. изд-во, 2013. – 324 с.
19. Transparency International [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.transparency.org/>. – Data of access: 13.02.2020.
20. Fund for Peace [Electronic resource]. – Mode of access: <https://fundforpeace.org/>. – Data of access: 13.02.2020.

Поступила в редакцию 29.04.2020